

Госпожа Лю была в ярости. Она кричала во весь голос, и, поскольку дело происходило во дворе, старик Лю заметил, что соседи уже перелезают через забор, чтобы поглазеть на представление. Он поспешно затащил жену в дом.

Закрыв дверь, он сказал:

— Ты совсем из ума выжила? Как можно такое говорить? Есть ведь поговорка: не хочешь уважить человека — уважь того, кто за него просит. Даже если тебе не нравится этот Цзян гэ'эр, ты должна хоть немного уважать Дая. Не забывай, наш Хуцзы устроился помощником в таверну «Фулай» только благодаря зятю. Без него разве добился бы наш сын того, что имеет сегодня?

— И что с того? Да, зять помог нашему Хуцзы, но разве я плохо относилась к Дая все эти годы? Когда у нас дома появлялось что-то вкусненькое, разве я хоть раз ей отказывала? Или ты думаешь, моя сестра одна смогла бы её так откормить?

Госпожа Лю взяла со стола чайник, налила себе чашку воды и залпом выпила.

— Зять тогда просто замолвил словечко. Наш Хуцзы смог закрепиться в таверне и добиться всего только благодаря собственным стараниям. Мы давно уже отплатили семье Чжан за их доброту. Наша семья Лю им ничего не должна.

Когда-то отец Чжан, добывая в горах дичь, часто продавал её в таверну «Фулай» и со временем сдружился с управляющим. В таверне как раз не хватало помощника. Собственный сын Чжана был ещё мал, к тому же не слишком сообразителен, а для работы в зале нужен был человек бойкий и с подвешенным языком. Вот отец Чжан и подумал о Лю Хуцзы.

Управляющий, уважив отца Чжана, согласился дать Лю Хуцзы шанс. Работа была несложная, и любой, у кого есть желание, мог с ней справиться. Поскольку Лю Хуцзы только начал работать, госпожа Лю старалась заискивать перед семьёй Чжан, надеясь, что отец Чжан попросит управляющего присматривать за её сыном. Однако с годами отец Чжан постарел, стал реже ходить на охоту и реже бывать в городе. Лю Хуцзы к тому времени уже твёрдо стоял на ногах, и госпожа Лю перестала относиться к семье Чжан с прежним подобоострастием.

Никто не хочет вечно унижаться. И теперь, когда Чжан Дая сама дала повод, госпожа Лю не собиралась оказывать ей прежнее уважение.

— Но нельзя же было кричать об этом на всю улицу! — недовольно возразил старик Лю. — Хуцзы всегда был близок с Дая. Теперь, когда она замужем за Цзяном, естественно, она будет думать о его семье. Если ты не хотела, могла бы просто отказать. Зачем же было так оскорблять?

Госпожа Лю махнула рукой.

— Оскорбила и оскорбила. Что, мы их боимся, что ли?

В этом была своя логика. Старик Лю, подумав, всё же сказал:

— Вечером, когда Хуцзы вернётся, надо с ним поговорить.

Сватовство, разумеется, провалилось.

Чжан Дая, послушав свою мать, не стала рассказывать старшей ветви семьи всей правды. Слова госпожи Лю были слишком оскорбительны — она буквально втоптала в грязь и самого Цзян Сяои, и всю его семью. Госпожа Чжан, опасаясь, что, если дочь передаст всё как есть, семья Цзян затаит обиду и на саму Дая, велела сказать, что у семьи Лю уже есть на примете другая партия.

Раз так, то ничего не поделаешь. Тётушка лишь с сожалением вздохнула. Вечером она пришла к ним, но в дом не зашла, а поговорила с отцом Цзяном во дворе.

Бай Цзыму в это время был занят двумя младшими братьями, которые не давали ему прохода. Он впервые видел старшую тётушку Цзян Сяои. Это была невысокая, полноватая женщина средних лет. Она улыбалась очень добродушно и казалась совсем незлобной.

Рот Цзян Сяосаня не закрывался ни на минуту, он постоянно что-то лепетал рядом, и Бай Цзыму не мог разобрать, о чём они говорят. До него доносились лишь обрывки фраз: «не вышло», «жаль», «будем искать дальше».

Цзян Сяои, находясь на кухне, тоже слышал разговор, но не придавал ему значения. Он с самого начала был уверен, что ничего не выйдет. Семьи с хорошими условиями предпочитают жениться на девушках. А если и ищут гэ'эра, то молодого. На него обратят внимание, только если совсем не будет выбора.

Закончив с посадкой овощей, Цзян Сяои снова отправился в горы — на этот раз за дровами. Раньше они с отцом нарубили много, но дрова нужно было просушить, чтобы они лучше продавались. Сырые поленья не только тяжелее нести, но и в городе их никто не купит — ведь их нельзя сразу использовать, а сушить во дворе, где каждый дюйм земли на вес золота, негде. У некоторых горожан и дворов-то нет. Поэтому дрова оставили лежать в россыпи.

Цзян Сяои провёл в горах целый день, связывая дрова в вязанки. К вечеру он вернулся домой совершенно измождённый.

Цзян Сяоэр знал, что продажа дров — самое тяжёлое и утомительное время для Сяои. Поэтому он ещё днём, пока солнце не начало садиться, сам нагрел воды и помылся во дворе. Сейчас он

сидел в комнате с Цзян Сяосанем и играл с Бай Цзыму. Игрой это можно было назвать с натяжкой: Бай Цзыму лежал на бамбуковой циновке и лишь изредка шевелился, а мальчишки заливались смехом.

Бай Цзыму не понимал, что их так веселит. Только когда пришло время спать, он перебрался в комнату Цзян Сяои.

Увидев его, Цзян Сяои улыбнулся, сам не зная почему. Забравшись на кровать, он, как и прошлой ночью, обнял Бай Цзыму, словно подушку.

Он устал за день, и, как только его тело расслабилось на кровати, его одолела дремота. Цзян Сяои гладил мягкую спинку Бай Цзыму и, вспомнив слова Сяоэра, сонным голосом спросил, зная, что тот его не поймёт:

— Сяоэр сказал, что ты сегодня ничего не ел. Ты не голоден?

Не то чтобы не ел. Когда Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, боясь, что он умрёт с голоду, пытались силой засунуть ему в рот червяка, Бай Цзыму так разозлился, что у него шерсть встала дыбом.

«Тигр не показывает когти, а эти два сопляка уже на небо лезут!»

Сегодня он перестал быть паинькой. Оскалив зубы, он гонялся за Цзян Сяоэром и Цзян Сяосанем весь день.

Братья, убегая, хохотали — им это казалось ужасно весёлым. Но пожаловаться всё же не забыли. Вечером, как только Цзян Сяои вернулся, Сяоэр тут же наябедничал, что мишка вёл себя плохо, отказался есть червяков, которых для него накопил младший брат, и даже пытался их укусить.

Цзян Сяоэр очень переживал за Бай Цзыму. Сам он, пропустив хоть один приём пищи, тут же чувствовал голод. А Бай Цзыму не ел уже несколько раз. Сяоэр был в отчаянии. Бай Цзыму не ел ни траву, ни кузнечиков. Что делать, Сяоэр не знал. Днём Цзян Сяосань, вооружившись маленькой мотыгой с отломанной половиной лезвия, отправился к подножию горы и, пыхтя, накопил целую бамбуковую трубку дождевых червей. Эти два сорванца пытались силой раскрыть Бай Цзыму рот, чем привели его в ярость. Он в бешенстве гонялся за ними и бил.

Цзян Сяоэр бегал не быстрее, чем ходил. Бай Цзыму, подпрыгнув, пнул его дважды, повалил на землю и отшлёпал по попе. Он знал, что Сяоэр слаб, поэтому не бил сильно, просто отлупил его по маленькой заднице.

Цзян Сяосань был верным братом. Он подбежал и оттащил Бай Цзыму. Сяоэр, воспользовавшись моментом, вскочил и спрятался в комнате. Выглядывая из-за двери, он наблюдал, как Бай Цзыму гоняется за Сяосанем, который визжал от восторга. Это было

невероятно весело.

Цзян Сяосань кричал так громко, что даже сосед, дядя Цянь, услышал их звонкий смех. Он подошёл к плетню и увидел, как Сяосань носится по двору, хохоча до покраснения.

При одном воспоминании об этом Бай Цзыму снова закипал от злости. Он закатил глаза и сердито посмотрел на Цзян Сяои.

«Какого чёрта я должен это есть?!»

Его желудок не железный, как он может не быть голодным?

Но какая панда ест червей и кукурузные стебли?

Он считал себя крутым, но не настолько, чтобы есть червей.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань просто нелюди.

Наверное, небеса послали их, чтобы мучить его.

Чёрт побери.

Как они посмели кормить его червями!

Чем больше Бай Цзыму думал об этом, тем злее становился. Если бы его ноги не были такими короткими, он бы уже давно отправил этих двух сопляков пинком в Африку.

Цзян Сяои видел, как сильно Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань полюбили этого медвежонка. В последние дни на лице Сяоэра стало появляться больше улыбок. Подумав, Цзян Сяои на следующий день встал спозаранку, пока небо было ещё серым, и, взяв спящего Бай Цзыму, пошёл на кухню.

Он набрал таз холодной воды и, присев на корточки, умылся. Едва он отжал полотенце, как Бай Цзыму прыгнул со скамейки, подбежал к тазу, опустил в него лапы и... протёр мордочку.

Цзян Сяои замер.

«Какой чистоплотный медведь».

Он даже умывается.

Цзян Сяои наблюдал, как тот, умывшись, опёрся двумя лапами о край таза и, используя воду как зеркало, принялся рассматривать своё отражение. Заметив, что шерсть на голове немного взъерошена, он принялся приглаживать её лапой. Цзян Сяои невольно улыбнулся. Но стоило ему рассмеяться, как Бай Цзыму поднял голову и сердито посмотрел на него.

«Голову можно потерять, кровь пролить, но причёска должна быть в порядке!»

Этот парень совсем ничего не понимает.

Он же утончённый красавец. Что такого в том, чтобы умыться?

Чего смеёшься?

Цзян Сяои, уважив его, сдержал улыбку, но в глазах его плясали смешинки. Он взял его на руки и вышел из дома.

Раз уж он не знает, что тот ест, надо пробовать всё подряд. Рано или поздно найдётся то, что медвежонку по вкусу.

Будет есть траву — пусть живёт. Будет есть мясо — пойдёт под нож.

По дороге он срывал любую траву, что попадалась под руку, и подносил к мордочке Бай Цзыму.

Бай Цзыму молчал.

«Я панда, а не овца!»

Можно хоть немного уважения?

Цзян Сяои видел, что тот ничего не ест. Сначала он просто упрямо отворачивался от предложенной травы, но потом, стиснув зубы и сверкая глазами, начал махать короткими лапками и бить его по руке.

Не больно, скорее щекотно.

Цзян Сяои посмотрел на траву в своей руке — это была куриная лоза, издававшая неприятный запах.

Неудивительно, что медвежонок разозлился.

— Да что же ты ешь? — в отчаянии спросил Цзян Сяои.

Он сорвал лиану, привязал один её конец к лапе Бай Цзыму, а другой держал в руке, после чего опустил его на землю, надеясь, что тот сам найдёт себе еду.

У животных есть инстинкт поиска пищи.

Бай Цзыму голодал уже три дня. Живот прилип к спине, и он чувствовал, что ещё немного — и он станет голодным призраком. Поколебавшись между разоблачением и голодной смертью, он решительно выбрал первое.

Он начал жестикулировать.

Цзян Сяои увидел, что тот, вместо того чтобы искать еду, встал на задние лапы и начал «танцевать», издавая писклявые звуки. Его пухлое тельце извивалось, а маленький голый задик вилял из стороны в сторону, словно у него внезапно помутился рассудок. Лицо Цзян Сяои оставалось бесстрастным, но зрачки его сузились.

Раньше Цзян Сяои думал, что подобранный им медвежонок просто очень умный, почти как человек. Он видел в городе собак, которых держали богачи: они садились по команде, останавливались по приказу, были послушными и сообразительными. Поэтому он не находил в поведении Бай Цзыму ничего странного. Но то, что он вытворял сейчас, поразило Цзян Сяои до глубины души.

Это было похлеще любой собаки.

Но он не испугался.

В этом мире нет ничего страшнее бедности.

Если уж он не боится бедности, то чего ему бояться какого-то медвежонка?

К тому же, этот медвежонок выглядел глуповатым и неуклюжим, совсем неумным. А судя по его поведению в последние дни, он был трусливым и робким. Такого бояться было невозможно.

Он глубоко вздохнул, успокаиваясь, присел на корточки и принялся внимательно наблюдать. Но сколько он ни смотрел, так и не мог понять, что тот пытается изобразить.

Бай Цзыму жестикулировал до изнеможения, но Цзян Сяои смотрел на него с недоумением.

«У этого парня что, мозгов нет?»

Он же так очевидно всё показывает, как можно не понять? У него что, на плечах свиная голова?

Бай Цзыму и Цзян Сяои смотрели друг на друга. Убедившись, что Цзян Сяои действительно ничего не понял, Бай Цзыму помрачнел.

Будь здесь Цзян Сяосань, он бы точно догадался.

Бай Цзыму, раздосадованный и беспомощный, снова поднял лапу и сделал рубящее движение, несколько раз махнув ею в воздухе. Затем он сложил обе лапы в кольцо.

Он пытался показать Цзян Сяои, что еда, которую он хочет, состоит из секций и она вот такого размера.

Заметив на обочине валяющуюся ветку, Цзян Сяои вдруг прозрел. Он чмокнул губами и, сияющими глазами, сказал:

— ...Ты хочешь съесть палку?

Бай Цзыму замер.

«У меня что, зуд в коже, чтобы я палки ел?»

Вы только послушайте, что говорит этот человек!

<http://bllate.org/book/13701/1584516>